

Сельма Лагерлёф

Путешествие НИЛЬСА

с дикими гусями

Иллюстрации Ларса Клингмана

#эксмогетство

Сельма Лагерлёф

**Путешествие Нильса
с дикими гусями**

«ЭКСМО»

1906

УДК 821.113.6-053.2
ББК 84(4Шве)-44

Лагерлёф С.

Путешествие Нильса с дикими гусями / С. Лагерлёф — «Эксмо»,
1906

ISBN 978-5-04-095746-0

Книга шведской писательницы с иллюстрациями шведского художника — редкая удача, ведь на её страницах перед нами возникает в деталях настоящая Швеция, какой её увидел заколдованный мальчишка Нильс со спины своего друга-гуся Мартина. Только истинный швед мог почувствовать язык и настроение своей знаменитой соотечественницы, лауреата Нобелевской премии Сельмы Лагерлёф и передать это в рисунках. Иллюстратор этой книги Ларс Клинтинг (1948–2006) — не только художник, но и автор детских книг. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.113.6-053.2

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-095746-0

© Лагерлёф С., 1906

© Эксмо, 1906

Содержание

Заколдованный мальчик	6
Акка Кебнекайсе	15
Глиммингенский замок	26
Праздник на горе Куллаберг	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Путешествие НИЛЬСА с дикими гусями

Сельма Лагерлёф Путешествие Нильса с дикими гусями

Selma Lagerlöf

Nils Holgerssons underbara resa genom Sverige

Text © Bonnier Carlsen Bokförlag, 1989

Illustration © Lars Klinting, 1989

First published by Bonnier Carlsen Bokförlag, Stockholm, Sweden Published in the Russian language by arrangement with Bonnier Rights, Stockholm, Sweden and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

© Перевод со шведского Любови Хавкиной

Заколдованный мальчик

В небольшой шведской деревушке жил самый обыкновенный мальчик – длинный, худой, белобрысый. Особыми достоинствами он не отличался, а больше всего на свете любил есть, спать да проказничать.

Так, верно, всё шло бы и дальше, если бы не случилось с ним одно приключение.

Как-то воскресным утром родители его собрались идти в церковь. Мальчик оставался дома и радовался, что отец и мать уходят и целых два часа можно делать всё, что захочется.

«Теперь никто не помешает мне пострелять», – думал он, поглядывая на отцовское ружьё, висевшее на стене.

Но отец будто угадал его мысли и обернулся на пороге:

– Раз ты остаёшься дома, не трать время попусту, а возьми книжку да почитай. И не вздумай отлынивать: вернусь – проверю.

Родители ушли, а мальчик, провожая их взглядом, чувствовал себя так, словно попал в ловушку: «Теперь небось радуются, что за книжку меня засадили!»

Но мальчик ошибался. Радоваться его родителям было нечему – они видели, что сын растёт бездельником и неучем, да и сердце у него недоброе: ничего не стоит ему обидеть, оскорбить.

И всё-таки послушаться отца мальчик не решился: уселся в кресло и стал читать вполголоса, время от времени поглядывая в окно.

Этот мартовский день был тёплым и солнечным. Здесь, на юге Швеции, в провинции Сконе, где жил мальчик, весна рано вступает в свои права. На деревьях уже набухли почки, канавы наполнились талой водой, зацвели пролески. Буковый лес, видневшийся вдали, словно тянул свои ветви вверх, в ясное синее небо, и казался выше и гуще, чем был холодной зимой. Через приоткрытую дверь в комнату доносилось пение жаворонка. Куры и гуси степенно прогуливались по двору, а коровы в хлеву, почуяв весну, призывно мычали.

Мальчик отвернулся от окна и снова склонился над книгой, но скоро его бормотание стихло, глаза закрылись – он уснул. Неизвестно, сколько бы он проспал, если бы не шорох.

Пробудившись, поднял он голову и увидел в зеркале, висевшем напротив на стене, что крышка материнского сундука откинута. Да нет, такого просто не могло быть, чтобы мать забыла запереть сундук – ведь в нём хранились вещи, которые достались ей в наследство от её матери и которыми она особенно дорожила.

Мальчик не на шутку встревожился: может быть, пока он спал, в дом забрался вор – и, боясь пошевелиться, пристально взгляделся в зеркало. Ему показалось, что на краю сундука кто-то сидит, – тень шевелилась. Он потёр глаза и посмотрел ещё раз, внимательнее, и ясно увидел крошечного гнома!

Мальчик, конечно, слышал о гномах, но и представить себе не мог, насколько они маленькие: не больше ладони. Лицо у крохи морщинистое, безбородое; длинный чёрный кафтан, штаны до колен, широкополая чёрная шляпа, белые кружева у ворота рубашки и на манжетах, пряжки на туфлях и чулки, подвязанные бантиками под коленями, делали его очень нарядным и даже щеголеватым. Гном держал в своих маленьких ручках вышитый воротник и любовался старинной работой, даже не замечая, что мальчик проснулся.

А тот хоть и удивился, увидев гнома, но вовсе не испугался. Да и чего бояться такой крохи? И тут мальчику пришла в голову мысль сотворить что-нибудь этакое – к примеру, столкнуть гнома в сундук и захлопнуть крышку.

Трогать гнома руками мальчик не решился и осторожно, не поворачивая головы, оглядел комнату, высматривая, чем бы его спихнуть: кастрюли, кофейник на полке, кувшин с водой, посуда в буфете явно не подойдут, как и отцовское ружьё на стене. И тут его взгляд упал на сачок, которым ловили мух.

Мальчик бесшумно соскочил на пол, снял сачок с крючка и быстро накинул на гнома. Оказывается, как всё просто! Гном же тем временем беспомощно барахтался в сачке, тщетно пытаясь найти опору, а мальчик наблюдал за ним, не зная, что делать дальше.

Стоял он так, раскачивал сачок из стороны в сторону, чтобы не дать пленнику выбраться из пут, и вдруг гном заговорил: стал умолять отпустить его и уверять, что заслуживает лучшего обхождения, – ведь много лет он приносил их семье счастье. Гном даже пообещал мальчику золотую монету величиной с крышку отцовских часов, если отпустит.

Мальчик уж было решил освободить гнома в обмен на золотую монету: по правде говоря, он немного побаивался этого существа из иного, загадочного мира – но тут сообразил, что мог бы потребовать выкуп и посущественнее. Он снова встряхнул сачок, и гном, который подумал, что сейчас его выпустят, и уже начал карабкаться наверх, снова запутался.

И в эту самую минуту мальчик получил такую затрещину, что не смог удержаться на ногах и отлетел сначала к одной стене, потом к другой и, наконец, без чувств рухнул на пол.

Когда он очнулся, в комнате никого не было. Гном исчез, сундук был закрыт, а пустой сачок висел на своём обычном месте. Если бы не звон в голове от крепкой затрешины, то мальчик подумал бы, что всё это ему приснилось. «Родители ни за что не поверят, если я расскажу про гнома: решат, что это всё выдумки. Видно, придётся снова приниматься за книгу».

Мальчик поднялся на ноги, сделал несколько шагов и остановился, изумлённый. С комнатой явно что-то случилось – она словно расширилась. И стол теперь стоял далеко, и кресло будто выросло: чтобы забраться на него, мальчику пришлось сначала залезть на перекладину между ножками, а потом уж на сиденье. То же самое произошло и со столом – чтобы увидеть свою книгу, мальчик был вынужден встать на подлокотник кресла.

«Что за чудеса! Похоже, гном заколдовал и стол, и кресло, и всю комнату».

Книга по-прежнему лежала на столе, но стала такой огромной, что мальчику пришлось влезть на неё, чтобы видеть написанное. Да и буквы теперь были гигантские. Мальчик изумлённо огляделся и, увидев отражение в зеркале, громко воскликнул:

– А вот и ещё один! И одет как я!

От удивления мальчик всплеснул руками, и человечек в зеркале проделал то же самое. Тогда он стал дёргать себя за волосы, щипать свои руки, вертеться, прыгать, кружиться – маленький незнакомец в зеркале повторял все его движения.

Мальчик даже заглянул за зеркало, чтобы посмотреть, не прячется ли там этот коротышка, но никого не увидел. И вот тут-то он по-настоящему испугался, поняв, что гном заколдовал его и что этот крошечный человечек в зеркале он сам.

* * *

Никак не хотел верить мальчик, что превратился в гнома, и думал: «Это, должно быть, сон или наваждение. Сейчас закрою глаза, подожду минутку и, наверное, опять стану человеком».

Крепко зажмурившись, он подождал немного и открыл глаза – увы, ничего не изменилось: он остался таким же маленьким. Лыняные волосы, веснушки на носу, заплатки на кожаных штанах – всё было таким же, как прежде, только уменьшившимся.

Нет, видно, сколько ни стой – делу не поможешь! Надо отыскать гнома и попросить прощения.

Мальчик по ножке стола спустился на пол и принялся искать гнома: заглядывал под стулья и шкаф, за диван и комод; осмотрел даже мышиные норки, обшарил каждый уголок – нигде его не было.

И тогда мальчик горько заплакал, умолял гнома вернуть ему прежний облик, обещая никогда впредь не нарушать данного слова и не обижать слабых. Он клялся, что станет примерным и послушным, но всё было напрасно! Тогда мальчик решил поискать гнома во дворе. На счастье, дверь была не заперта, иначе бы он – такой маленький – не смог бы её открыть.

В сенях он по привычке хотел было надеть свои деревянные башмаки – ведь в доме мальчик, как и все крестьяне в округе, ходил в одних чулках, – соображая, как же теперь сможет носить тяжёлую обувь, но вдруг увидел у самого порога пару крошечных башмачков и удивился: «Надо же, и башмаки заколдовать не поленился».

Скакавший на порожке перед дверью воробушек, увидев мальчика, громко прочирикал:
– Смотрите-ка, неужели это наш Нильс-пастушок? Его теперь и не узнать – прямо мальчик-с-пальчик! Нильс Хольгерссон – мальчик-с-пальчик!

Со двора приковыляли гуси и куры и подняли невообразимый гвалт.

– Ку-ка-ре-ку! – кричал петух. – Так ему и надо. Ку-ка-ре-ку! Он таскал меня за гребешок.

– Ко-ко-ко! Поделом ему! – кудахтали куры.

Гуси сбились в кучу и, вытянув шеи, гоготали:

– Кто это сделал? Кто это сделал?

Удивительнее всего было то, что вся живность вокруг заговорила и Нильс понимал о чём. Это открытие так его поразило, что он застыл как вкопанный, решив: «Видно, я теперь понимаю язык зверей, потому что стал гномом».

Мальчику было обидно слышать, как куры не переставая выкрикивали своё «поделом», и, вконец разозлившись, он запустил в них камнем:

– Цыц, негодные!

Только вот не подумал, что теперь его, такого маленького, никто не боится.

– Ко-ко-ко! Поделом Нильсу! Так ему и надо! – гнули своё куры, всё плотнее обступая мальчика.

Нильс бросился бежать, но куры во главе с петухом гнались за ним по пятам. В эту минуту во дворе появился кот. Куры тут же присмирели и как ни в чём не бывало принялись искать в земле червяков.

Мальчик кинулся к коту:

– Милый котик! Ты ведь знаешь все норки, все закоулки во дворе. Пожалуйста, скажи, где мне найти гнома.

Кот ответил не сразу: усевшись на крыльце и свернув хвост кольцом, посмотрел на Нильса. Это был большой чёрный кот с белым пятном на груди и пушистой шерстью, блестевшей на солнце. Со втянутыми когтями и прищуренными глазками-щёлочками вид у кота был самый добродушный.

– Конечно, я знаю, где живёт гном, – промурлыкал кот вкрадчиво, – но это не значит, что скажу.

– Котик, миленький, помоги! – принялся умолять мальчик. – Разве не видишь, что он меня заколдовал?

В кошачьих глазах зажёгся злой огонёк.

– С чего бы я стал тебе помогать? Уж не потому ли, что ты дёргал меня за хвост? – ухмыльнулся кот.

Мальчик рассердился, совершенно забыв, что теперь стал маленьким и беспомощным, и бросился на кота.

– И сейчас дёрну!

Кот мгновенно преобразился: выгнул спину, зашипел, глаза опасно засверкали.

Но Нильс не отступил и даже сделал шаг вперёд. И тут кот бросился на мальчика, повалил и, разинув пасть, навис над ним, придавив лапами так, что когти через одежду впились в тело.

– Помогите! – закричал Нильс что есть мочи.

Когда никто не пришёл на помощь и мальчик решил, что настал его последний час, кот неожиданно выпустил его из лап и сказал:

– Ну, хватит на первый раз. Ради моей доброй хозяйки так и быть, отпущу тебя, но не забывай, кто из нас двоих теперь сильнее.

И кот с довольным видом двинулся прочь, добродушно мурлыкая. А бедный Нильс не знал, что же теперь делать, – ведь никто во дворе не захотел помочь найти гнома, да и сам гном, если бы удалось его отыскать, вряд ли сжалится над ним.

Мальчик забрался на каменную ограду, окружавшую двор, и задумался. Скоро вернутся из церкви родители и то-то удивятся, когда увидят, что стало с их сыном! А там и соседи

сбегутся посмотреть на такое чудо. Или, того хуже, отец станет за деньги показывать его на ярмарках.

Об этом страшно было даже подумать! Нет уж, лучше скрыться куда-нибудь. Бедный он, несчастный! И не человек вовсе, а заколдованный карлик.

Понял теперь Нильс, что значит не быть человеком. Он никогда уже не сможет играть с приятелями и не станет взрослым!

Мальчик окинул взглядом двор и деревянный дом с соломенной крышей, которая как будто вдавливала его в землю. Раньше он и не замечал, какой уютный у них дом и как просторно во дворе, а теперь на лучшее жильё, чем ямка под полом, не мог и рассчитывать.

А день был чудесный: пригревало солнышко, пели птицы, – только у Нильса было тяжело на сердце, ничто его не радовало! Он поднял глаза к небу, и ему показалось, что никогда прежде небо не было таким голубым, как в тот день. Вот в вышине показались перелётные птицы, возвращавшиеся из дальних краёв, и над головой Нильса захлопали крыльями дикие гуси.

Увидев во дворе сородичей – домашних гусей, путешественники спустились ниже и прогоготали:

– Летим с нами к высоким горам!

Домашние гуси вытянули шеи, подняли головы, а старая гусыня крикнула в ответ:

– Вы летите, а нам и здесь хорошо!

Клин за клином в вышине пролетали с призывными криками стаи, и всё больше волновались домашние гуси: принимались хлопать крыльями, как будто и впрямь хотели взлететь, но каждый раз старая гусыня останавливала их:

– Не вздумайте лететь с ними: погибнете от голода и холода, – вы ведь почтенные домашние гуси.

Старые гусаки и гусыни важно кивали в знак согласия, но один из молодых не внял предупреждениям мудрой гусыни и решил: «Если появится новая стая, то полечу с ней».

Вскоре в небе появился очередной гусиный клин. Дикie гуси снова стали звать домашних с собой, и тут молодой гусь крикнул:

– Погодите, погодите! И я с вами!

Взмахнул он крыльями и попробовал подняться, но плюхнулся на землю. Дикie гуси, похоже, услышали его и полетели медленнее.

Молодой гусь сделал ещё одну попытку, но опять безуспешно.

Мальчик с волнением наблюдал за происходящим: ведь улeтaть собрался лучший гусак на птичьeм дворе. И совершенно забыв, что стал маленьким, он спрыгнул с ограды, бросился к гусям и, обхватив молодого гусака за шею, закричал:

– Не смей улeтaть, слышишь!

Но гусь уже оторвался от земли – крошечный Нильс не был ему помехой – и стал подниматься так быстро, что у мальчика закружилась голова. Прежде чем он сообразил, что так и не выпустил гуся из своих объятий, они уже были высоко над землёй. Нильсу оставалось одно: забраться на спину гусака и держаться крепче.

* * *

Нильс сжался в комочек и что было сил вцепился в перья гусака. Воздух свистел и гудел в ушах, рядом мелькали и шелестели гусиные крылья. Нильс долго не решался посмотреть вниз, но наконец, собравшись с духом, бросил взгляд на землю. В первую минуту ему показалось, что внизу расстелена огромная клетчатая скатерть, причём одни клетки были квадратные, а другие – прямоугольные.

– Что это за скатерть внизу? – спросил мальчик, не надеясь, впрочем, получить ответ, но гуси хором загоготали:

– Это поля и луга! Поля и луга!

Тогда мальчик понял, что так с высоты выглядит земля, и догадался, почему она кажется клетчатой и пёстрой. В светло-зелёных клетках Нильс узнал поля, засеянные осенью и давшие всходы: чёрные клетки – это свежевспаханная земля; коричневые – буковые леса, ещё не покрывшиеся молодой зеленью.

Мальчик, вглядываясь в пёстрые клетки, воспрянул было духом и даже повеселел, но, вспомнив, что с ним случилось, горько заплакал.

К счастью, грустные мысли одолевали Нильса недолго: понемногу он стал привыкать к такому необычному способу путешествия, – и теперь, глядя по сторонам, заметил, как много птичьих стай направляется на север. Пролетая мимо, птицы перекликались между собой.

– А, и вы сегодня летите? – кричали одни.

– Летим! – отвечали гуси.

– Что вы скажете о весне? – спрашивали другие.

– Ещё нет ни одного листочка на деревьях, и в озёрах вода холодная!

Мальчик заметил, что гуси теперь летели не так высоко. Рассеявшись над долиной, они словно радовались возвращению и хотели приветствовать каждый двор, каждый дом.

Вдруг Нильс удивлённо вскрикнул, узнав местность неподалёку от родительского дома. Только вот с высоты она выглядела иначе.

Да это никак Ооса и маленький Матс, его прошлогодние товарищи! Нильс дорого бы дал, чтобы сейчас быть с ними. А что бы, интересно, они сказали, если б увидели, как высоко он пролетал над их головами?

А дикие гуси вдруг громко загоготали – увидели внизу, во дворе, домашних собратьев. Замедлив полёт, прокричали:

– Полетели с нами на север, в Лапландию!

Нильс услышал:

– Тепло ещё не пришло! Вы что-то рано вылетели! Возвращайтесь назад!

Дикие гуси спустились ещё ниже, чтоб их лучше было слышно, и снова призывно крикнули:

– Присоединяйтесь к нам! Мы научим вас летать и плавать!

Домашние гуси и отвечать им не стали. Тогда дикие гуси спустились ещё ниже и полетели, почти касаясь земли, а затем с быстротой молнии взмыли ввысь, словно чего-то испугались.

– Да это же не гуси! – раздались их крики. – Это овцы! Трусливые овцы!

На земле обиженные гуси сердито загоготали.

Слушая эту перебранку, мальчик от души рассмеялся, а через минуту опять заплакал, вспомнив о своём горе, но встречный ветер высушил его слёзы. Никогда прежде не доводилось Нильсу летать, да ещё так быстро. Он и не думал, что высоко в небе холодный воздух наполнен запахами пробуждающейся земли и смолистыми ароматами деревьев, и даже не представлял, какой это восторг – летать. Ему казалось, что гуси уносят его прочь от всех забот, горестей и бед.

Акка Кебнекайсе

Белый домашний гусь Мартин очень гордился, что вместе со стаей диких собратьев летит над южной равниной, дразня домашних птиц, и чувствовал себя счастливым, но к полудню сильно устал. Он старался глубже дышать и чаще взмахивать крыльями, но всё больше и больше отставал от других. Гуси заметили это и стали кричать летевшей впереди предводительнице стаи:

– Акка Кебнекайсе! Акка Кебнекайсе!

– Что случилось? – отозвалась та.

– Белый отстаёт! Белый отстаёт!

– Передайте ему: пусть летит быстрее – так легче, – ответила предводительница, даже не обернувшись.

Гусь попробовал последовать её совету, но скоро совсем выбился из сил и, опустившись ещё ниже, теперь летел над верхушками деревьев, окаймлявших поля и луга.

– Акка! Акка! – опять закричали гуси, летевшие в хвосте и видевшие, как тяжело ему приходится.

– Ну что ещё? – с досадой отозвалась предводительница.

– Белый падает! Белый падает!

– Передайте ему: пусть поднимается выше – там лететь легче.

Гусь попытался последовать и этому совету, но когда стал подниматься ввысь, у него так перехватило дыхание, что чуть не разорвалось сердце.

– Акка! Акка! – кричали гуси, летевшие позади. – Белый падает! Белый падает!

– Передайте ему: если не может лететь со стаей, пусть возвращается и сидит дома.

Акка, и не подумав замедлить полёт, стремительно мчалась вперёд. Тогда и понял Мартин, что дикие гуси вовсе и не собирались брать его с собой в Лапландию, а выманили из дома забавы ради.

Ах как же ему было обидно, что не может он доказать этим бродягам, что домашний гусь тоже на что-то способен. Но обиднее всего было то, как отнеслась к нему мудрая и почтенная Акка Кебнекайсе.

Белый гусь медленно летел за другими, размышляя, что делать: повернуть назад или продолжить путь, – как вдруг мальчик-с-пальчик, которого он нёс на спине, сказал:

– Милый Мартин, ты же сам видишь: не может домашний гусь тягаться с дикими. До Лапландии далеко; не лучше ли повернуть назад, пока не поздно?

Слова мальчика вконец раздосадовали гуся, и он прошипел:

– Если скажешь ещё хоть слово, сброшу в первую попавшуюся лужу.

Гнев словно придал Мартину силу, и теперь он летел почти наравне с другими гусями. Вряд ли хватило бы сил надолго, но, на его счастье, стало смеркаться и стая опустилась вниз, на берег большого озера.

«Здесь, верно, будет ночлег», – подумал Нильс и прыгнул с гуся на землю.

Перед ним расстилалось озеро, затянутое тёмным льдом, и хоть лёд кое-где уже подтаял и у берегов широкой полосой поблёскивала вода, вся эта ледяная гладь словно отгоняла весну и дышала холодом.

Гуси сделали привал на опушке бора, который тоже удерживал зиму – под высокими соснами лежали огромные сугробы.

С тоской обозревая эту белую безжизненную пустыню, Нильс с трудом сдерживал слёзы. Целый день он ничего не ел и был очень голоден. Но где же тут достать еду? В марте ни на деревьях, ни в поле не найти ничего съестного.

Кто накормит его, приютит, приготовит ему постель? Кто разожжёт костёр и защитит от диких зверей?

Солнце уже закатилось, и с озера тянуло холодом. Землю окутала тьма, и из леса доносились странные звуки – шуршание, скрип и потрескивание.

Нильсу стало страшно, но кому пожаловаться, у кого искать защиты?! Мальчик с надеждой оглянулся на Мартина.

Гусь лежал на том месте, где опустился, с вытянутой шеей, закрытыми глазами и еле дышал.

– Милый Мартин, что с тобой? – воскликнул мальчик, склонившись над гусем. – Попей воды из озера – тебе сразу станет легче.

Но белый гусь не шевелился. Сердце у Нильса, который ещё совсем недавно был жесток и с птицами, и с животными, сжалось: ведь теперь Мартин его единственный друг! Мальчик и жалел его, и боялся его лишиться. Он обхватил гуся за шею и потащил к воде, хотя это оказалось делом нелёгким: гусак был самым лучшим и крупным на их птичьем дворе. Но Нильс справился: подтащил к озеру и толкнул в воду.

Гусь с минуту лежал неподвижно, но потом поднял голову, отряхнулся и стал жадно пить, а потом и к камышам поплыл. Тут же в открытой воде плавали дикие гуси, выискивая себе корм. Мартин тоже не остался без добычи: поймал маленького окуня и, подплыв с ним к берегу, положил у ног мальчика:

– Вот тебе за то, что подтащил меня к воде.

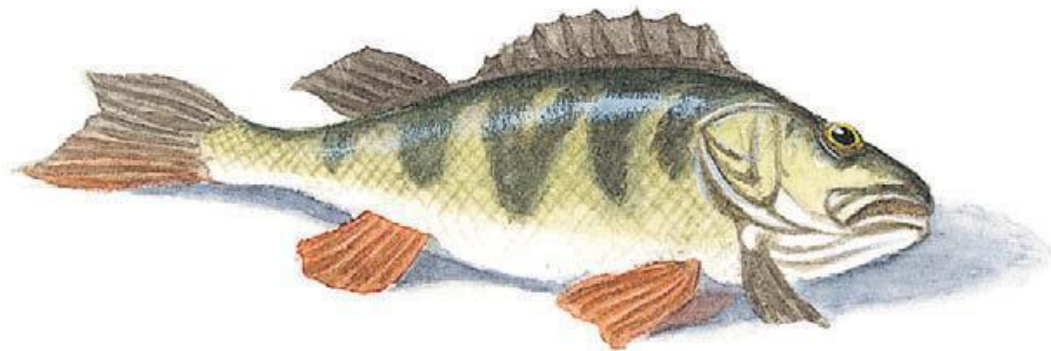
Это были первые приветливые слова, которые мальчик услышал за весь день, и так обрадовался, что хотел обнять гуся, но не осмелился. Нильс сначала не мог себя заставить есть сырую рыбу, но, поняв, что на другую еду рассчитывать не приходится, отважился попробовать и достал из кармана свой складной ножик, который был теперь не больше спички. Всё-таки мальчик сумел очистить и выпотрошить рыбёшку и съел, подумав: «Видно, я и в самом деле теперь не человек, а гном, раз ем сырую рыбу».

От грустных мыслей его отвлек Мартин.

– Знаешь, Нильс, я хочу доказать этим надменным птицам, что домашний гусь тоже на многое способен! Во что бы то ни стало надо долететь до Лапландии! И потому прошу тебя остаться со мной.

– Я вообще-то хотел вернуться к родителям, – растерялся мальчик.

– Не беспокойся! В своё время доставлю тебя к ним в целости и сохранности! – пообещал гусь. – Прямо к порогу твоего дома принесу.

Нильс подумал-подумал и решил, что, может, и вправду будет лучше некоторое время не показываться на глаза отцу-матери.

С озера послышалось хлопанье крыльев – это дикие гуси вышли из воды и стали шумно отряхиваться. И вот они во главе с Аккой степенно двинулись к своим новым спутникам.

Белый заметно смутился. Раньше он считал, что домашние и дикие гуси мало чем отличаются, а эти намного мельче его; перья у них не белые, а серые или серо-коричневые, жёлтые глаза, в которых будто горел злой огонёк, нагоняли на него страх.

Белому гусю всегда внушали, что надо ходить медленно и степенно; эти же вовсе не умели ходить, а передвигались, смешно подскакивая. Но больше всего Мартин изумился, увидев их лапы: огромные, с разорванными и растоптанными перепонками, – видно, дикие гуси не выбирали, где ступать. По этим лапам в них сразу можно было узнать перелётных бродяг. Гусь Мартин успел шепнуть мальчику:

– Говори с ними смело, только не открывай, что ты человек.

Подойдя поближе, дикие гуси стали важно кланяться, и белый гусь в ответ закивал, низко склоняя голову. После обмена поклонами Акка Кебнекайсе сказала:

– Теперь мы должны знать, кто вы такие. Наша почтенная стая прежде не принимала чужаков.

– О себе я не многое могу сообщить, – начал Мартин. – Родился прошлой весной, а осенью меня продали Хольгеру Нильссону в соседнюю деревню. Там я и жил до сих пор.

– Значит, ты благородным происхождением похвастаться не можешь, – заметила предводительница. – Как же ты отважился пуститься с нами в путь?

– Потому и отважился, чтоб показать вам, диким гусям, на что мы, домашние, способны.

– Что ж, и мы бы хотели это знать, – заметила Акка. – Пока мы только видели, как ты летаешь, но, может, что другое у тебя получается лучше? Умеешь ли ты плавать?

– О нет, этим не могу похвалиться. – Мартину казалось, что предводительница уже приняла решение отослать его обратно домой, так что терять нечего. – Мне доводилось переплывать только через лужи.

– Зато ты, вероятно, мастер прыгать?

– Где ж это видано, чтобы домашние гуси прыгали! Мы ходим степенно, без суеты, – ответил Мартин, рискуя навлечь на себя недовольство Акки и нисколько не сомневаясь, что теперь предводительница ни под каким видом не возьмёт его с собой: ведь именно так, словно подпрыгивая, передвигались по земле дикие гуси, – однако, к его великому изумлению, она сказала:

– Ты храбрый: не боишься говорить правду, – значит, хороший товарищ. Только вот ловкостью не отличаешься. Может, останешься с нами на несколько дней, для испытания?

– С удовольствием, – ответил гусь, весьма польщённый.

Акка Кебнекайсе аж шею вытянула, разглядывая Нильса.

– А это кто с тобой? Я таких никогда не видала.

– Мой приятель. Всю жизнь он пас гусей и может пригодиться в путешествии.

– Тебе-то, домашнему гусю, может, и полезен, – пробурчала предводительница. – А как его зовут?

– У него несколько имён... – Гусь стушевался, не желая признать человеческое имя, а потом сказал: – Его зовут Мальчик-с-пальчик.

– Что ж, он из гномов? – осведомилась предводительница.

– Вы, дикие гуси, когда спать ложитесь? – поспешно сменил тему белый гусь, уклоняясь от ответа. – А то у меня уж глаза слипаются.

Гусыня Акка казалась очень старой: оперение серебристо-серое, без единой тёмной полоски; голова больше, чем у других гусей стаи, ноги грубее и перепонки искалечены сильнее; перья были жёсткие, плечи костлявые, шея худая. Но, несмотря на почтенный возраст, глаза её оставались ясными и зоркими. Она торжественно заявила Белому:

– Знай же, что я Акка Кебнекайсе – предводительница этой стаи. И хоть стара, но мудра и опытна, а род мой уважаем и известен. И все гуси нашей стаи из лучших семейств. Мы не какие-нибудь бродяги, которые готовы завести знакомство с первым встречным, и не примем к себе на ночлег того, кто не хочет открыть нам своё происхождение.

И тут мальчик смело выступил вперёд:

– Я не стану ничего от вас скрывать. Меня зовут Нильс Хольгерссон. Я сын фермера и хозяина этого гуся и до сегодняшнего утра был человеком...

Мальчик не успел договорить: гуси мгновенно отшатнулись от него, отступили назад и, вытянув шеи, злобно шипели.

– Ты мне показался подозрительным с той самой минуты, как увидела тебя на берегу, – заметила Акка. – Человеку лучше поскорее убраться отсюда – ему не место среди вольных гусей.

– Да вы посмотрите на него! Неужели вы, сильные смелые дикие гуси, боитесь такого маленького существа? – заступился за товарища Мартин. – Позвольте ему хотя бы на ночь остаться здесь.

Старая гусыня подошла поближе, но видно было, как трудно ей преодолеть страх.

– Нас учили не доверять тому, кто называется человеком, будь он велик или мал. Но если ты, белый гусь, ручаешься, что твой друг не причинит нам зла, то так и быть: пусть останется на ночь. Боюсь только, что вам не понравится наш ночлег – мы ведь спим на льдинах. Но завтра утром он должен уйти из стаи.

Она думала, что гусь смутится, но ничуть не бывало.

– Вы очень благоразумны и умеете выбирать безопасные места, – сказал он почтительно.
– Смотри же, проследи, чтобы утром он отправился домой!
– Но тогда и мне придётся покинуть вас: я дал клятву не бросать его, – возразил Белый.
– Дело твоё. – И Акка, взмахнув крыльями, перелетела на середину озера. За ней последовали и другие гуси.

Нильса очень огорчило решение Акки: значит, не суждено ему увидеть Лапландию, – да и холодный ночлег пугал.

– Час от часу не легче, Мартин, – вздохнул он, – мы с тобою замёрзнем на льду.

– Не будем терять время. Набери-ка побольше сухой травы.

Когда Нильс набрал охапку прошлогодней травы, Мартин схватил его клювом за шиворот и полетел на лёд, где дикие гуси уже спали рядом, спрятав головы под крылья.

– Постели траву на лёд, чтоб у меня ноги не примёрзли, – распорядился гусь.

Мальчик разложил траву. Гусь вступил на подстилку, подхватил клювом Нильса и сунул себе под крыло.

– Так тебе будет тепло и удобно, – сказал Мартин, укладываясь и поджимая крыло, чтобы Нильс ненароком не вывалился ночью на лёд. – Спокойной ночи.

Нильс зарылся в гусиный пух, согрелся и скоро уже спал крепким сном.

* * *

Весенний лёд ненадёжен и опасен. Среди ночи ледяная корка озера треснула, и льдина, на которой устроились на ночлег гуси, отколовшись, отплыла к берегу.

Как раз этой ночью вышел на охоту лис Смирре, живший в соседнем лесу. Ещё с вечера заметив гусей, он только и ждал удобного случая, чтобы подобраться к ним поближе.

И вдруг Смирре увидел, что льдину с гусями отнесло с середины озера к берегу. Вот удача так удача! Лису ничего не стоило перепрыгнуть через узкую полоску воды и приземлиться на льдине.

От скрежета лисьих когтей по льду гуси проснулись и замахали крыльями, торопясь взлететь, но старый лис Смирре не собирался упускать такую добычу. Одним прыжком он подскочил к ближайшему гусю, схватил его и вместе с ним бросился обратно к берегу.

От громких криков несчастной жертвы проснулся и белый гусь Мартин да так взмахнул крыльями, что Нильс, ничего не понимая спросонья, плюхнулся на лёд. Придя в себя, он увидел убегающего лиса с гусем в зубах и не раздумывая бросился за ним.

– Берегись, Мальчик-с-пальчик! Берегись, Нильс! – крикнул вслед ему Мартин.

Но мальчик и не думал останавливаться.

Дикий гусь, которого уносил лис, услышал стук деревянных башмачков по льду и, обернувшись, с грустью подумал: «Неужели этот малыш надеется отбить меня? Глупыш, разве он сможет справиться с лисом?!»

Нильс же продолжал погоню, ловко перескакивая через трещины во льду. Оказывается, теперь он отлично видел в темноте, как и все гномы.

Лис же достиг края льдины, прыгнул на берег и вдруг в этот момент услышал за спиной чей-то голос:

– Эй, ты, отпусти гуся!

Смирре не собирался выяснять, кто это кричит, но побежал быстрее, торопясь скрыться в густом буковом лесу, что темнел впереди. Нильс не отступал: уж очень ему хотелось доказать гусям, что человек, пусть даже и маленький, способен на многое.

Смирре достиг леса и чуть сбавил темп, и Нильс уже буквально наступал ему на пятки, не переставая вопить что есть мочи:

– Отпусти моего гуся, а не то достанется тебе!

Расстояние между мальчиком и лисом всё уменьшалось, и наконец ему удалось схватить разбойника за хвост.

– Попался, рыжий! Отдай гуся! – воскликнул Нильс, изо всех сил пытаясь удержать лисий хвост. Но не тут-то было: лис рванулся вперёд и потащил Нильса за собой так стремительно, что только сухие прошлогодние листья полетели во все стороны.

Не слыша больше угроз, лис остановился, опустил гуся на землю и придавил передними лапами, чтобы не улетел. Каково же было его удивление, когда, оглянувшись, он увидел коротышку, похожего на гнома.

– Значит, это твой гусь, – ехидно усмехнулся Смирре. – Ну что ж, полюбуемся, как я его загрызу.

Насмешка лиса так разозлила Нильса, что, позабыв про страх, он ещё крепче вцепился в лисий хвост, а спиной оперся о ствол дерева. Когда Смирре уже разинул пасть над головой гуся, Нильс изо всех сил дёрнул его за хвост, так что от неожиданности лис попятился и выпустил гуся из лап. Гусь тотчас же, хоть и не без труда, взлетел: крылья у него были помяты и еле двигались, поэтому, увы, он не в силах был помочь своему спасителю.

– Раз так, я съем не его, а тебя, – прошипел лис в бешенстве.

– Напрасно думаешь, что тебе это удастся, – храбро ответил мальчик, гордый оттого, что сумел спасти гуся.

Хвост лиса он так и не выпустил из рук, а Смирре кружился и вертелся, пытаясь или стряхнуть коротышку, или схватить. У Нильса от этой безумной пляски всё плыло перед глазами.

Но вот прямо перед собой мальчик увидел молодой бук: прямое как стрела дерево тянулось к солнцу, – выпустил наконец лисий хвост и уцепился за ветку. А лис, ничего не заметив, кружился как заведённый за собственным хвостом.

– Не надоело ещё плясать-то, – вдруг донеслось до лиса откуда-то сверху, и он замер на месте.

Подняв голову, Смирре рассвирепел: какой позор – не смог одолеть жалкого коротышку! Растянувшись под деревом, лис принялся ждать, когда маленький гадёныш спустится на землю.

А Нильс уже едва держался на тоненькой ветке: руки у него окоченели, глаза слипались, но он гнал от себя сон, опасаясь свалиться вниз. Спуститься же с дерева мальчик не отваживался.

Как же страшно ночью в лесу! Казалось, что всё вокруг окаменело и уже никогда не проснётся к жизни. Это была самая долгая ночь в жизни Нильса, но наконец взошло солнце. Огненные снопы его лучей разогнали тьму, и всё кругом приобрело ясные очертания. Облака на небе, гладкие стволы буков, заиндевелившие ветви, земля, побелевшая от лёгкого ночного морозца, – всё озарилось светом.

Солнечные лучи разливались всё дальше, прогоняя ночные страхи и ужасы. Оцепенение прошло, и мир наполнился звуками. Чёрный дятел с красной грудкой стал долбить клювом древесный ствол. Белка выскочила из гнезда с орехом в зубах, уселась на ветке и принялась его грызть. Пролетел дрозд с прутиком в клюве, высоко на дереве запел зяблик. Солнце будто сказало всем живым созданиям: «Просыпайтесь, вылезайте на свет! Я здесь, и теперь вам нечего бояться».

С озера донёсся клич гусей – стая собиралась в путь, – и вскоре все четырнадцать гусей показали над лесом. Нильс пытался докричаться до них, но гуси летели слишком высоко, чтобы услышать его слабый голос. К тому же они, наверное, думали, что лис давно уже съел мальчика, и даже не стали его искать. Нильс чуть не заплакал от отчаяния и обиды, но солнце, сиявшее на небе, вселяло надежду и тёплыми лучами касалось лица мальчика.

«Ничего не бойся и не отчаивайся, Нильс Хольгерссон, ведь я здесь!» – словно говорило оно.

* * *

Время шло, солнце на небе поднималось всё выше. Но вот послышался какой-то шум. Лис Смирре поднял голову и посмотрел вверх. Прямо над ним медленно пролетал дикий гусь, с осторожностью прокладывая себе дорогу между кронами деревьев. Лис вскочил и погнался за ним. Гусь же, увидев разбойника, и не подумал скрыться: казалось, он решил подразнить

лиса. Смирре подпрыгнул и чуть было не схватил гуся за крыло, но тот вывернулся и улетел к озеру.

А вскоре над деревьями показался ещё один серый гусь. Этот летел ещё медленнее и ближе к земле, едва не задевая крыльями Смирре. Лис снова принялся прыгать: казалось, ещё немного – и коснётся гуся лапой. Но и на этот раз Смирре остался ни с чем: словно тень, проскользнул гусь между деревьями и улетел к озеру.

Не прошло и нескольких минут, как появился третий гусь, причём летел так низко, что Смирре, сделав отчаянный прыжок, едва его не сцапал, но и на этот раз промахнулся.

Не успел этот гусь скрыться из виду, как уже показался следующий. И хотя летел он так медленно, что без труда мог бы его схватить, разбойник успел подустать и решил пропустить его мимо. Тогда гусь опустился ещё ниже. Тут уж лис не смог устоять перед искушением и бросился на него, даже лапой задел, только птица метнулась в сторону и улетела.

Не успел Смирре перевести дух, как показались ещё три гуся. И эти летели так же низко, как все предшествующие. Раздосадованный неудачной охотой, Смирре кидался на них, но ни одного так и не поймал.

А гуся продолжали кружить над лесом: одни, почти задевая крыльями ветви, летели к озеру; другие, искушая Смирре, подлетали им на смену.

Лис совсем обессилел от бесполезных попыток. Такого ужасного дня в жизни ловкого и хитрого Смирре никогда ещё не было. Дикие гуся непрерывно летали над его головой: отличные крупные гуся, отъевшиеся на полях и лугах, – но ни одного лис так и не смог сцапать, чтобы утолить наконец голод. И тут Смирре вспомнил про мальчишку, с которого и начались все его неприятности. Лис поднял голову, но на дереве уже никого не было.

А дикие гуся всё летали кругами над лесом, мучая и искушая, и метался рыжий лис, ничего уже не видя перед собой. И лишь когда Смирре совсем выбился из сил и в изнеможении рухнул на кучу палой листвы, они перестали его дразнить.

– Впредь будешь знать, лис, как умеет справляться Акка Кебнекайсе с теми, кто нападает на её стаю! – прокричала стая над самым ухом Смирре и только после этого скрылась.

* * *

Пока гуся дразнили лиса, Нильс незаметно перебрался в пустое дупло и проспал там до самого вечера, а проснувшись, с тревогой подумал: «Теперь гуся прогонят меня, но как же я вернусь домой и покажусь на глаза родителям?»

Он осторожно вылез из дупла и огляделся: не увидев нигде рыжего лиса, спустился на землю и побрёл к озеру – посмотреть, не улетели ли гуся, и сразу их увидел. Теперь, когда им ничто не угрожало, гуся спокойно плавали и ныряли, пока не заметили Нильса. Мальчик опасался, что его немедленно прогонят, но, против ожидания, этого не произошло.

На следующее утро они с Мартином вместе со стаей продолжили путь на север. На этот раз гуся летели к Эведскому замку, расположенному среди чудного парка к востоку от озера. Это было величественное сооружение с мощёным двором, обнесённым низкой стеной.

В ранний час, когда стая пролетала над замком, кругом не было ни души. Осмелев, гуся опустились к собачьей конуре и на лету крикнули:

– Что это за домик? Кто здесь живёт?

Из конуры выскочил цепной пёс и принялся яростно лаять.

– По-вашему, это домик, жалкие бродяги? Разве не видите, что это прекрасный каменный замок? Вы, наверное, слепые, если не видите этот чудесный парк, эти мраморные статуи... – Разъярённый пёс прямо рвался с цепи, возмущаясь невежеством незваных гостей, и долго ещё не мог успокоиться.

А гуси и не думали с ним спорить: кружили над двором да слушали, – но когда пёс наконец замолчал, чтобы перевести дух, прокричали:

– Чего ты так расшумелся? Мы спрашивали вовсе не про замок, а про твою конуру.

Нильс засмеялся над шуткой, и в эту минуту в голову ему пришла дельная мысль: «Надо воспользоваться хорошим настроением гусей и упросить их не прогонять меня, а взять с собой в Лапландию. Это будет замечательное путешествие!»

А дикие гуси уже летели дальше – на большое поле, чтобы там поискать себе корм. Нильс тем временем отправился в соседнюю ореховую рощу в надежде найти хотя бы немного орешков, оставшихся с прошлой осени.

Когда он бродил по краю рощи, к нему подлетела Акка-предводительница и спросила, нашёл ли он что-нибудь съестное. Узнав, что поиски не увенчались успехом, она решила помочь мальчику. Орехов и она не нашла, зато увидела на кусте шиповника красные плоды. Акка клювом сорвала ягоды с высокого куста и отдала Нильсу. Мальчик с жадностью их съел, ведь у него так долго и крошки во рту не было! Впрочем, ему теперь и нужно-то было совсем немного.

Когда Нильс поел, Акка завела разговор о том, как рискованно такому маленькому существу бродить в лесных зарослях.

– Кругом много врагов, – сказала Акка, – которых ты, такой беззащитный, должен особенно остерегаться. Запомни: в парке и в лесу надо опасаться лисиц и куниц; на берегу озера не

забывай про выдру; около каменных заборов любят охотиться ласки – кровожадные хищники, которые могут пролезть в самое маленькое отверстие. Ложась спать на кучу листьев, сначала проверь, нет ли там гадюки. В открытом поле оглядись, нет ли в небе ястребов и кречетов, орлов и соколов. Не вздумай доверять даже сорокам и воронам! В сумерках посматривай, нет ли рядом больших сов, которые летают бесшумно, так что не успеешь охнуть, как они подхватят тебя.

Услышав, что у него теперь столько врагов, Нильс решил, что конец его близок, и принялся расспрашивать Акку, как же избежать всех этих нападений.

– Перво-наперво следует подружиться с мелкими зверюшками и птицами в лесу, а в поле – с белками и зайцами, зябликами и синицами, дятлами и жаворонками. Они всегда предупредят об опасности, покажут укромные уголки и норки, а сообща смогут и защитить, если понадобится.

Нильс запомнил совет мудрой Акки и, заметив под деревом белку, обратился было к ней в надежде на её расположение, но услышал в ответ:

– Не жди помощи ни от меня, ни от других животных. Думаешь, мы не знаем, что ты тот самый Нильс-пастушок, который в прошлом году разорял ласточкины гнёзда, разбивал скворушкины яйца, топил воронят, ловил в сети дроздов и сажал белок в клетки? Обходишься как знаешь, да спасибо скажи, что мы не злопамятные и не мстительные.

Оставайся Нильс прежним пастушком, уж не оставил бы эти слова без ответа, но теперь он не мог никому причинить вреда.

Прошла неделя с того дня, как Нильс заколдовал гнома, но, странное дело, он уже не очень горевал об этом. В воскресенье после обеда, сидя на берегу озера, он вдруг увидел, что к нему приближается длинная вереница гусей во главе с Аккой Кебнекайсе. Гуси шли медленно и степенно, и мальчик понял, что сейчас ему объявят приговор. Вот стая остановилась, и Акка сказала:

– Ты, наверное, удивляешься, Мальчик-с-пальчик, что я до сих пор не поблагодарила тебя за то, что не побоялся вступить в схватку с лисом Смирре и спас нашего товарища. Просто я из тех, кто благодарит не на словах, а на деле, и времени даром не теряет. К тому гному, который тебя заколдовал, я послала гонца. Сначала он и слышать о тебе не хотел, но когда гонцы стали приходить один за другим и рассказывать, что ты теперь совсем не такой, каким был раньше, согласился тебя расколдовать. Он передал, что, вернувшись домой, ты снова станешь человеком.

Только Нильс несколько не обрадовался словам Акки: ничего не сказав, отвернулся и заплакал.

– Что с тобой? – удивилась старая гусыня. – Разве ты не рад?

Мальчик молчал и с грустью думал, что теперь уж никогда не будет беззаботных дней, весёлых шуток, приключений, свобод, полёта высоко над землёй – словом, всего, чем он жил последнее время.

– Я больше не хочу быть человеком, – заявил Нильс. – Я хочу лететь с вами в Лапландию.

– Признаюсь тебе, Нильс, – попыталась вразумить его Акка, – этот гном оказался очень капризным. Если не воспользуешься его благосклонностью сейчас, то в другой раз тебе трудно будет заслужить его милость.

Но Нильс ничего не желал слушать:

– Хочу в Лапландию! – знай себе твердил. – Только поэтому я и вёл себя хорошо целую неделю!

– Никто не запрещает тебе сопровождать нас, если ты этого так хочешь, – сказала Акка, – но всё же подумай: не лучше ли возвратиться домой? Потом будешь жалеть, да поздно.

– Не буду жалеть, – заявил Нильс. – Мне так нравится с вами!

– Ну что ж, оставайся, коли так, – вздохнула Акка.

И мальчик снова заплакал, только теперь это были слёзы радости, а не огорчения.

Глиммингенский замок

Рано утром дикие гуси, спавшие около Вомбского озера, были разбужены громкими криками, доносившимися из поднебесья:

– Курлы! Курлы! Журавль Трианут шлёт поклон дикой гусыне Акке и её стае и приглашает на гору Куллаберг, где завтра состоится большой журавлиный танец.

Акка, взглянув вверх, закивала:

– Кланяюсь и благодарю! Кланяюсь и благодарю!

Журавли полетели дальше, и ещё долго слышалось их курлыканье:

– Трианут шлёт привет! Завтра будет большой журавлиный танец на горе Куллаберг.

– Тебе повезло, – сказали дикие гуси Мартину, явно обрадовавшись приглашению. – Ты увидишь большой журавлиный танец.

– Разве это такая диковина?

– Ещё бы! Тебе ничего подобного и не снилось.

Нильс прислушался к их разговору: похоже, гуси не собирались брать его с собой на гору Куллаберг. А ему так хотелось увидеть журавлиные танцы!

Вскоре вся стая во главе с Аккой улетела к древнему Глиммингенскому замку на болотистый луг щипать траву.

К тому времени, когда Нильс отправился в путешествие с дикими гусями, замок был пуст – люди давно покинули его. Когда-то высокие и крепкие стены надёжно защищали обитателей от врагов, а теперь в заброшенных помещениях хранилось зерно. И всё же в Глиммингене имелись хозяева – с давних пор здесь поселились чёрные крысы. Раньше они причиняли немало беспокойства всем живым существам, нашедшим приют в замке, но теперь и птицы, и летучие мыши, и серый одичавший кот мирно уживались с ними. Сами же чёрные крысы, как настоящая стража, оберегали замок от непрошенных гостей.

Гуси мирно щипали траву на лугу, когда неподалёку стремительно опустилась на землю большая птица. Это был аист Эрменрих, который каждую весну возвращался с севера в гнездо, которое свил на одной из башен Глиммингенского замка.

Аиста вполне можно было бы принять за белого гуся, если бы не большие чёрные крылья, тонкие красные ноги и длинный крепкий клюв, клонивший книзу маленькую головку, отчего он выглядел озадаченным и печальным.

Акка, несколько раз кивнув, приветствовала гостя и двинулась ему навстречу. Старая гусыня недоумевала, что понадобилось аисту от гусей, ведь хорошо известно, что эти птицы обыкновенно дружат лишь с соплеменниками.

– Рада вас видеть, господин Эрменрих, – сказала Акка. – Надеюсь, ваше семейство в добром здравии, а жильё в порядке?

– Какое там, уважаемая госпожа Кебнекайсе! – с горечью воскликнул аист.

От волнения, казалось, он забыл все слова и сначала только щёлкал клювом, но потом всё же заговорил хриплым голосом:

– Видели вы, уважаемая госпожа, полчища серых крыс, что движутся к замку?

Акка утвердительно кивнула.

– Эти коварные, беспощадные, прожорливые существа собрались со всей округи, чтобы захватить замок, когда пронюхали, что там хранится зерно. Сегодня ночью они намерены пойти на штурм, и всем нам придёт конец, – закончил аист.

– Почему же именно сегодня, господин Эрменрих? – спросила Акка.

– Потому что почти все чёрные крысы ещё вчера вечером отправились на Куллаберг, да и многие другие звери собирались быть там. Вот серые крысы и выбрали удобный момент, когда

в замке остались только старые и слабые чёрные крысы, которым не под силу куда-либо идти. Так что проникнуть в замок для них не составит никакого труда.

– А чёрных крыс кто-нибудь предупредил? – встревожилась Акка.

– Нет. – Аист опустил голову. – Это уже не имело смысла: прежде чем они успеют вернуться, замок уж будет захвачен.

– Напрасно вы так думаете, господин Эрменрих, – укоризненно заметила Акка. – Я знаю одну старую гусыню, которая постарается не допустить такого беззакония.

Услышав эти слова, аист поднял голову и удивлённо взглянул на Акку: ни когти, ни клюв её уже не годились для борьбы, да и что она могла сделать одна против крысиных полчищ?!

Акка заметила недоверчивый взгляд аиста и кликнула Нильса:

– Я знаю, кто поможет вашей беде.

При появлении мальчика Эрменрих встрепнулся. До той поры он, печальный, стоял с поникшей головой, прижимая клюв к шее, а теперь в горле у него что-то заклокотало, словно он засмеялся. Неожиданно аист схватил мальчика клювом и подбросил на воздух, потом ещё раз и ещё... Нильс кричал, а гуси возмущённо гоготали:

– Что вы делаете, господин Эрменрих? Ведь это не лягушка, а человек!

Аист опустил мальчика на землю целым и невредимым и сказал:

– Ну что ж, благодарю вас, матушка Акка. Сейчас же полечу в Глимминген, а то все его обитатели, наверное, решили, что я не вернусь. То-то они обрадуются, когда я сообщу, что дикая гусыня Акка и Мальчик-с-пальчик спешат на выручку.

Аист вытянул шею, взмахнул крыльями и полетел как стрела, выпущенная из туго натянутого лука. Акка поняла, что он смеётся над ней, но не обиделась.

– Ну что, Нильс, готов помочь мне? – спросила гусыня.

Нильсу, конечно, льстило, что сама предводительница обратилась к нему за помощью, но как они справятся со злобными тварями, он и понятия не имел.

Акка подождала, пока он отыщет свои деревянные башмачки, которые упали, когда Эрменрих подкидывал его, затем посадила на спину и полетела вслед за аистом.

Скоро Акка уже была около гнезда аиста на башне замка Глимминген. Это было большое прочное гнездо: основой его служило колесо, на котором в несколько слоёв были настланы ветки и дёрн, – и такое старое, что в нём пустили корни трава и кустарник.

И мальчик, и Акка видели, что вокруг гнезда происходит нечто невообразимое: на краю сидела совиная пара, сбоку пристроилась серая кошка и несколько старых чёрных крыс. Опасность заставила обитателей замка забыть все распри и сплотиться.

Никто из них даже не обернулся, чтобы поздороваться с новоприбывшими: все взгляды были устремлены в одном направлении. Нильс приподнялся на спине гусыни, чтобы посмотреть, что так заинтересовало эту разношёрстную компанию, и увидел полчища серых крыс.

– Акка, смотри! Летим поскорее отсюда! – закричал в ужасе мальчик.

Но Акка преспокойно ответила:

– Неужели ты думаешь, что такая старая особа, как я, не попадала в переделки и похуже этой?! Ничего не бойся и доверься мне. Именно ты, маленький Нильс, поможешь обитателям замка.

Старая гусыня повернулась к совам:

– Если вы, госпожа сова, и ваш супруг, бодрствующие ночью, согласитесь исполнить мои поручения, то, думаю, нам удастся отстоять замок.

Совы без колебаний согласились. Акка велела супругу совы лететь на гору Куллаберг и передать чёрным крысам, чтобы немедленно возвращались, а саму госпожу сову послала к Фламме, сове, обитавшей на башне Лундского собора, и шёпотом передала для неё какое-то таинственное сообщение.

* * *

В полночь серые крысы вплотную подступили к стенам замка и после долгих поисков обнаружили незаделанную дыру в стене. Первой во двор ступила самая дерзкая захватчица и замерла, ожидая нападения, но всё было тихо. Тогда предводительница серых крыс набралась смелости и прыгнула в холодный тёмный подвал, за ней последовали остальные. Войско шло без единого шороха, ни на секунду не теряя бдительности. Лишь когда серых крыс собралось в подвале так много, что на полу не осталось свободного места, они решились идти дальше.

Хотя прежде серым крысам не доводилось бывать в Глиммингене, они без труда нашли дорогу и ходы в стенах, которыми пользовались хозяева, и беспрепятственно добрались до первого этажа. Они сразу почуяли запах зерна, горой насыпанного на полу, но не прикоснулись к нему – ещё не время праздновать победу. Обыскав весь замок, не пропустив ни единой щёлочки, захватчицы совершенно не обратили внимания на гнездо аиста и почувствовали наконец себя полновластными хозяевами. Вот теперь можно и попировать. И они устремились к зерну, не думая об опасности.

А в это время в гнездо вернулась сова и сообщила Акке, что Фламмея исполнила её просьбу и прислала то, что просила старая гусыня.

Не успели захватчицы наесться досыта, как во дворе замка раздался пронзительный свист. Крысы подняли головы, в недоумении прислушиваясь, отпрянули было назад, но потом успокоились и снова накнулись на зерно.

Свист повторился, ещё более пронзительный, и крысы стали выскакивать из кучи зерна и в панике бросаться вниз, в подвал, стремясь поскорее выбраться из замка.

Очутившись во дворе, захватчицы увидели маленького человечка, игравшего на дудочке, и застыли как вкопанные. С каждым мгновением их становилось всё больше. Когда человечек опускал дудочку, крысы подавались вперёд, будто намереваясь броситься на него, но он снова принимался играть, и они замирали на месте.

Выманив таким образом захватчиц из Глиммингена, маленький человечек пересёк двор и вышел на дорогу, продолжая играть. Серые крысы как заворожённые следовали за ним, не в силах противиться зовущим вперёд звукам.

А человечек всё шёл и шёл, уводя длинную вереницу крыс как можно дальше и дальше от замка. Вот странная процессия миновала долину, оставляя позади высокие скалы, поля и холмы, а он всё играл и играл на своей чудесной дудочке. Конечно, Нильс не мог знать, что дудочка эта не простая – её сделали из маленького рога, звук которого позволял людям с дав-

них времён обретать власть над крысами и мышами. Сова Фламмея когда-то обнаружила эту дудочку в нише Лундского собора и показала ворону Батаки, давнему другу мудрой Акки; от него-то она и узнала, каким сокровищем владеет Фламмея.

Уж и звёзды показались на небе, а мальчик всё шёл и выводил на дудочке свою мелодию, и крысы бежали за ним. Он играл, едва успевая переводить дух, когда стало светать, играл и когда взошло солнце, а стаи крыс неотступно следовали за ним, всё дальше уходя от закровов в старинном Глиммингенском замке.

Праздник на горе Куллаберг

Ни один рукотворный замок в провинции Сконе не сравнится по красоте со склонами Куллаберга.

Гора эта невысокая и пологая, поросшая лесом и кустарником, с небольшими полянками, лугами и вересковыми пустошами. Однако стоит свернуть с дороги и взглянуть вниз с обрыва, и дух захватит от представшей картины.

Гора Куллаберг поднимается прямо из моря. У подножия нет ни полоски земли или песка, которая защищала бы её от морских волн. Волны, неумоимо бьющиеся о горные склоны, размывают их, образуя причудливой формы глубокие тесные ущелья, а ветер полирует скалы. Кое-где выступают из воды гранитные столбы и тёмные гроты с узкими сводчатыми входами. Немало там небольших мысов и бухт с огромными подводными камнями, о которые с грохотом разбиваются яростные волны.

Все эти ущелья и каменные выступы обвиты буйно разросшимся кустарником и плющом; деревья же под ураганным ветром прижимаются к камням и стелются по обрывам и расщелинам.

Из-за удивительных горных склонов, необъятного синего моря и чистого воздуха местные жители любят летом приходить сюда и любоваться красотой прибрежных скал и беспрельной гладью морских просторов. Именно здесь, на Куллаберге, раз в году, весной, собираются животные и птицы для больших игр – так уж повелось с древнейших времён. День сбора всегда назначают журавли, которые вернее других могут предсказывать погоду.

В ночь накануне праздника олени, косули, зайцы, лисы и прочие четвероногие отправляются на Куллаберг, чтобы их не заметили люди, и перед восходом солнца все собираются на обширной пустоши неподалёку от самой высокой вершины горного хребта.

Это ровное место выбрано не случайно: окружённое со всех сторон невысокими каменными пригорками, оно надёжно скрывает животных от посторонних взоров.

За каждым семейством закреплён здесь свой пригорок, и хотя держатся звери особняком, в день праздника всегда царит мир и никто не опасается нападений: так, например, молодой зайчишка может бесстрашно пробежаться по лисьему пригорку, не рискуя поплатиться своими ушами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.